

Ивакин Григорий Анатольевич

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КОНСЕРВАТИЗМА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1840-1890 ГГ.)

В статье рассматривается развитие консервативной идеи в России в XIX в. в связи с происходившими изменениями в экономической и социальной сферах жизни общества. На основе анализа позиций виднейших представителей российского консерватизма делается вывод о противоречии российского традиционалистского консерватизма с его ориентацией на самодержавие и православие западной модели модернизации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 69-76. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. М.: АСТ; Астрель, 2010. 250 с.
2. Давыдова М. Л. Обучение юридической профессии в России и США: к вопросу об универсальных основаниях // Право и современные государства. 2012. № 3. С. 3-12.
3. Дудин А. П. Диалектика правоотношений. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1983. 121 с.
4. Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1902. 105 с.
5. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Госюриздат, 1958. 457 с.
6. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 430 с.
7. Нерсесянц В. С. Право и закон // Советское государство и право. 1983. № 10. С. 19-31.
8. Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. 272 с.
9. Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2009. 260 с.
10. Теория права и государства / отв. ред. Г. Н. Манов. М.: БЕК, 1996. 336 с.
11. Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М.: Юридическая литература, 1980. 176 с.
12. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сборник переводов / пер. С. В. Лезевой, Ю. С. Пивоваровой. М., 1987. Вып. 1. 195 с.
13. Шелер М. Проблемы социологии знания. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. 320 с.

REFLECTIONS ON LEGAL REALITY

Zykov Dmitrii Valer'evich
Volgograd State University
Zyk9@yandex.ru

The author, basing on the philosophy of logical atomism, undertakes an attempt to formulate the idea of legal reality universal scheme, which includes three elements: attitude – norm – thinking that claims to have a universal significance, an ontological, objective status; and substantiates that these elements relate to each other as an empirical object and semantic premise, arranged by the lawyer's constructive thinking into a complex phenomenon – a legal fact.

Key words and phrases: lawyer's cognition object; legal reality constituents; legal fact as complex phenomenon; public attitude as empirical object; norm as a priori semantic premise of attitude; lawyer's thinking as legal reality constituent.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматривается развитие консервативной идеи в России в XIX в. в связи с происходившими изменениями в экономической и социальной сферах жизни общества. На основе анализа позиций виднейших представителей российского консерватизма делается вывод о противоречии российского традиционалистского консерватизма с его ориентацией на самодержавие и православие западной модели модернизации.

Ключевые слова и фразы: консерватизм; славянофильство; Российская империя; традиционализм; православие.

Ивакин Григорий Анатольевич, к.и.н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ivakin@rane.ru

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КОНСЕРВАТИЗМА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1840-1890 ГГ.)[©]**

Во второй четверти XIX века Россия вслед за ведущими европейскими державами вступила в новую стадию своего экономического развития, которую в современной историографии принято определять как «промышленный переворот» или «промышленная революция». Как известно промышленная революция в России носила острый и противоречивый характер, что было обусловлено многообразием социально-экономических укладов огромной по территориальным масштабам империи. Следует учитывать и тот немаловажный факт, что развитие нового капиталистического уклада в Российской империи сопровождалось процессом стремительного разложения отживших сословно-феодальных отношений, фактическим упразднением господствующего на тот момент в России класса помещиков-крепостников.

Модернизационные преобразования в экономике вступили в жесткое противоречие со сформировавшейся к этому времени парадигмой политического развития самодержавного российского государства. Общественно-политическая мысль, безусловно, не могла оставаться в стороне от осмысления происходящих в стране судьбоносных изменений. И как результат этой интеллектуально-духовной рефлексии вновь разгорелись горячие споры между сторонниками и противниками консервативной политической идеологии. Эта дискуссия,

начавшаяся в конце 1830-х гг. то есть сразу после начала первых серьезных экономических преобразований привела к тому, что в России на протяжении всего XIX в. идеи консерватизма получили широкое распространение, пройдя долгий путь от славянофильства к религиозно-этическому искательству.

В данной статье ставится задача выявления тех характерных черт русского традиционалистского консерватизма, которые препятствовали утверждению западных либеральных ценностей, без которых модернизация в том виде, в котором она проходила в Российской империи в рассматриваемый период, была невозможна в своем предельном выражении.

В 40-50-х гг. XIX в. идейные споры велись в основном о будущих путях развития России. Славянофилы выступали за самобытность России, которую они видели в крестьянской общине, в православии и в соборности русского народа. Среди них своим значительным философским потенциалом выделялись И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и особенно А. С. Хомяков. Они стремились опровергнуть немецкий тип философствования и выработать на основе исконно отечественных идейных традиций особую русскую философию.

Славянофилы даже выдвинули лозунг «Царю – власть, народу – мнение». Исходя из нее, они выступали против всяческих нововведений в области государственного управления, особенно против конституции по западному образцу. Духовной основой славянофильства было православное христианство [9].

Особенно интересны в связи с этим взгляды основателей этого течения А. С. Хомякова и И. В. Киреевского.

Как замечает М. Н. Громов, «полезно вспомнить, что Хомяков, при всей критике петровских нововведений, не мог не признать их необходимости. Другой вопрос – цена реформ, необходимость их корректировки, учет не только имперских целей государства, но и человеческих интересов россиян, бережное отношение к традициям, необходимость соизмерять внешние амбиции с внутренними возможностями страны» [3, с. 131].

В то же время, как отмечает М. Д. Сулов, славянофилы последовательно отвергали все атрибуты европейской модернизации, а потому их общественным идеалом стали традиционные институты допетровской Руси. Однако славянофилы не желали возврата в историческое прошлое, но настаивали на необходимости следовать путем, наиболее соответствующим истинному русскому духу. Они не призывали вернуться в Московскую Русь; они предлагали программу преобразований, позволившую бы создать ту страну, в которую превратилась бы Россия, если бы Московская Русь продолжала развиваться.

По мнению А. С. Хомякова, особенность нашей истории заключается в том, что в отличие от западных стран, России «довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь». Эта точка зрения связана с историософской концепцией развития России у А. С. Хомякова, согласно которой, если вся история Запада построена на основе экспансии, то в нашей истории ее не было, ибо она не соответствует гуманному, духовному, творческому типу славянского племени, выдвинувшего высокий нравственный принцип соборности, несколько девальвированный введением коллегиального принципа петербургской империи. Вот таким образом А. С. Хомяков идеологически обосновал представление о национальной исключительности России [19, с. 90].

И. В. Киреевский также настаивал на принципиальном отличии старорусской цивилизации от западной: «Русское общество выросло самобытно и естественно, под влиянием одного внутреннего убеждения, Церковью и бытовым преданием воспитанного», – приводит его мнение Н. В. Работяжев. Средневековое русское общество, доказывал И. В. Киреевский, основывалось на общинном землевладении и не знало характерных для средневековой Европы социальных и политических конфликтов. На Руси не было ни сословного презрения или сословной зависти, ни неограниченного права частной собственности, ни отвлеченного рационализма римского права. При этом превосходство старорусской цивилизации над европейской И. В. Киреевский объяснял не особенностями русского национального характера, но исключительно лежавшими в ее основе христианскими началами, сохранившими первоначальную чистоту и избежавшими тех искажений, которым подверглось христианство на Западе [14, с. 103].

Консерватизм идеологии славянофилов проявлялся в отрицании необходимости модернизации России, в которой славянофилы видели лишь бесплодное и бесполезное подражание Западу. Такие ведущие представители славянофильства, как А. С. Хомяков и И. В. Киреевский, на основе постулата о самобытности русской (славянской) православной цивилизации отрицали возможность рецепции западных политических и социальных институтов на отечественной почве. Рационализму и корыстности Запада А. С. Хомяков противопоставляет русскую соборность – особое духовное чувство, присущее русскому народу, его интерпретация славянофильского консерватизма отличается историософским характером. И. В. Киреевский также связывал отечественную исключительность с православием и особостью исторического пути русского народа, но также указывал на общинность социального бытия большей части русского народа, для которого не применимы западные социально-политические лекала.

Представляют интерес воззрения славянофилов на российское самодержавие отличающиеся определенной спецификой. В доктрине славянофилов власть самодержца не ограничена юридическими нормами, поскольку между народом и царем не может быть формальных гарантий, а существует нравственная связь – доверие друг к другу [2, с. 104]. При этом нетрадиционность отношения славянофилов к этому политическому институту заключается в том, что при безусловной поддержке самодержавной власти славянофилы обосновывали ее тем, что эту форму правления выбрал сам народ, так как при ней возможно наименьшее зло: властолюбие и политиканство не проникают в народ. Получается, что само по себе самодержавие большой ценности не имеет. По мнению Ю. Самарина, самодержавие идеально для настоящего, следовательно, в будущем его можно заменить другой формой правления. Славянофилы предлагали реформировать этот политический институт, сочетая самодержавие и самоуправление, самодержавие и церковную власть. Аналогичные планы, обусловленные желанием расширить социальную базу традиционных режимов, вынашивались в это время в Европе повсеместно [19, с. 90].

Славянофильская консервативная доктрина основывалась на двух положениях: незабываемость христианской веры и авторитета Православной Церкви как хранительницы истинного народного духа; сохранение самодержавия как наиболее справедливой политической формы, полностью соответствующей воле русского народа, его духу. Консерватизм славянофилов резко отрицал модернизационные изменения, видя в них заимствования с чуждого России Запада. При этом консерватизм славянофилов требовал изменений, которые должны были привести к полному восстановлению русского народного уклада жизни, выражающегося в политическом отношении в тесной взаимосвязи самодержавной власти, Православной Церкви и народа.

Консерватизм в России этого периода характеризуется не только интеллектуальным поиском дворян и разночинцев, направленным на осмысление происходящих перемен, но и духовными исканиями творческой интеллигенции, в первую очередь пишущей.

Говоря о консерватизме второй половины XIX века, безусловно, нельзя обойти вниманием фигуру великого русского писателя Ф. М. Достоевского, который сыграл заметную роль в формировании консервативной идеи в России сквозь призму души русского народа. Ф. М. Достоевский не дожил до времени правления императора Александра III, но, он первым интуитивно обозначил то, что позже Ю. Самарин в своей книге «Революционный консерватизм» определил как «консервативную революционность». Именно к этому понятию как альтернативе «прогрессивной революционности» «бесов» апеллировал на страницах «Дневника писателя» Ф. М. Достоевский [6, с. 22]. И что примечательно, именно эта идея и была взята в качестве идеологической платформы Александром III, который являлся консерватором-почвенником.

В 1872 году Достоевский попадает в кружок петербургских консерваторов, публицистов и писателей. Еще с 1871 года по средам в доме князя В. П. Мещерского собираются А. Н. Майков, К. П. Победоносцев, Т. И. Филиппов, Ф. И. Тютчев, Н. Н. Страхов, М. О. Коялович, Б. М. Маркевич и некоторые другие для обсуждения различных проблем России того времени, ее внутренней и внешней политики. При этом, как отмечает Д. Пашков, «приход Достоевского в лагерь консерваторов был обусловлен медленной эволюцией его мировоззрения» [12, с. 301]. Д. Пашков крайне точно оценивает суть консервативного мировоззрения Ф. М. Достоевского, которое было, скорее, «против», нежели «за». Великому писателю было присуще «чувство отвращения к демократическому устройству христианского государства», которое выражается им и в этот период и впоследствии «даже значительно сильнее, нежели идея защиты монархии» [Там же, с. 305].

Консерватизму Ф. М. Достоевского больше свойственно понятие «почвенность». Мы можем определить почвенность как особую, специфическую форму русского консерватизма, основанную на базовых основах христианского мировоззрения и русского православного традиционализма. Именно эта идея легла в основу мессианской концепции Достоевского, известной в первую очередь по «Пушкинской речи» писателя. Как пишет Е. М. Гунашвили, она базируется на представлении об особом характере русского народа, идеалом которого, по Достоевскому, является «всечелость, всепримиримость, всечеловечность» [4, с. 56].

Интересно, что ряд западных авторов, в частности, Ф. Штерн, ставят Ф. М. Достоевского в один ряд с Ф. Ницше, в оценке его как идеолога консервативной идеи. В числе духовных предтеч «консервативной революции» Штерн называет Т. Карлейля, Я. Буркхардта, Ф. Ницше и Ф. М. Достоевского. При этом Штерн отмечает особую роль именно Ницше и Достоевского для формирования идеологии «консервативной революции» [20, с. 242].

Следует отметить, что есть авторы, не считающие возможным относить в идейном плане Ф. М. Достоевского к консерваторам. Так, Е. Соловьев удивленно задается вопросом: «Кстати, потому только, что к слову пришлось, называют обыкновенно Достоевского консерватором, чуть-чуть не реакционером, но любопытно было бы знать, что общего с консерватизмом имеет полный веры в будущее идеализм Достоевского?» [7, с. 361].

Американский исследователь Э. Василек (Университет Чикаго), напротив, настаивает, что Ф. М. Достоевского как раз следует считать консерватором, но в том смысле, что он резко противостоял либерализму: «Достоевский был консерватором в самом сущностном смысле: он верил в радикальный индивидуализм. Он ненавидел все формы либерализма опять же в самом сущностном смысле: концепцию человечества, согласно которой оно может рационально определяться и управляться. Достоевский был против всех форм либерализма» [29, р. 67].

Скорее всего, именно на основании антилиберализма Достоевского П. Н. Милюков, рассматривая историю славянофильства, предложил классификацию позднеславянофильской традиции, разделив ее на правых – Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, исходивших из национальной исключительности России, и левых, к которым отнес Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, апологетировавших идею ранних славянофилов о всемирно-исторической роли России [11, с. 96].

Интересен взгляд на консерватизм Ф. М. Достоевского российского исследователя д.ф.н. А. К. Голикова, который считает, что в консервативном воззрении Ф. М. Достоевского заметны либерально-демократические элементы. По мнению этого исследователя в русском народе он видел спасение России, ее социально-политическое обновление. В его консервативном быте и менталитете он замечал органическое сочетание личностных и коллективистских начал, воплощавших дух свободы и идею соборности. В его понимании, как и других славянофилов, именно соборность, сочетая общественные и личные интересы, не лишала личность ее своеобразия, индивидуальности и свободы [10].

Если Ф. М. Достоевский делал в своем консерватизме упор на традицию, идею народности и почвенности, то другой выдающийся отечественный мыслитель Н. Я. Данилевский строил свои размышления на основе рассмотрения международной роли России в исторической ретроспективе и перспективе.

Н. Я. Данилевский в своих изысканиях придал славянофильскому движению геополитический характер, описав противостояние по линии «Россия – Запад». Н. Я. Данилевский разработал цивилизационную концепцию

философии истории в книге «Россия и Европа». В этой работе русский философ выдвинул и обосновал свое понимание структуры и динамики «культурно-исторических типов» с целью прояснить проблему враждебного отношения Европы (Запада) к России. По мнению Данилевского, реальной причиной возникновения антагонизма является принадлежность Европы и России к различным культурно-историческим типам [5, с. 141].

Тем самым Н. Я. Данилевскому удалось найти новые основания для отрицания возможности укоренения в России вестернизированных политических институтов.

Анализируя все мировые цивилизации, Данилевский подходит к самому главному вопросу своего исследования: является ли Россия частью Европы или представляет собой совсем иной культурно-исторический тип? В своем историческом развитии Россия не познала мрачной косности западного феодализма, в противостоянии к которому родилась потребность в высшей либеральной ценности – свободе. Славянская душа всегда была свободна, независимо от своей физической оболочки. Ментальной сущности славян вряд ли знакома эта тяга к обожествлению свободы, индивидуализму, акцентированию своих «природных» прав. Коллективист, общинник по своему духу, славянину практически чужд индивидуализм. Славяне приняли православие как форму общественного сознания, эталон нравственности и морали, а общину – как форму общественно-политической жизни и способа регулирования отношений между людьми.

Согласно такой аргументации, Данилевский делает основной вывод: если Россия не является частью европейской цивилизации, она представляет собой отдельную самобытную цивилизацию. России не следует «бежать» за Европой, механически копируя базовые элементы ее культурно-исторического типа, ибо они чужды России, а их насаждение грозит катастрофой для славянской цивилизационной почвы [18, с. 27]. Консерватизм Н. Я. Данилевского обосновывает расхождение путей цивилизационного развития Европы и России выводится под знаком абсолютизации различий западного и восточного христианства; восточно-славянская самобытность понимается как сохранение самодержавия, поземельной общины, сословной иерархии и православных основ жизни [5, с. 156].

В отличие от большинства славянофилов Н. Я. Данилевский обращается к проблемам геополитического антагонизма России и Европы. По глубокому убеждению Н. Я. Данилевского, Россия не может быть членом сообщества европейских государств и должна служить противовесом Европе, создав собственное культурно-политическое сообщество – Всеславянский союз. Согласно Данилевскому, Константинополь (Царьград) должен стать столицей не России, но Всеславянского союза. Помимо славянских народов, в этот союз войдут также греки, румыны и венгры, которых «связала с нами историческая судьба, втиснув их в славянское тело». Создавшие союз государства (Российская империя и Чехо-Мораво-Словацкое, Сербо-Хорватско-Словенское, Болгарское, Румынское, Эллинское, Мадьярское королевства) будут объединены весьма тесной федеративной связью при гегемонии России, а официальным языком союза станет русский [14, с. 103].

Культурно-исторический антагонизм России и Европы, с позиции Н. Я. Данилевского делает почти неизбежным открытый конфликт между ними, в котором будет решаться судьба российского культурно-исторического типа.

По замечанию О. К. Шиманской, Н. Я. Данилевский осознавал кризис российской цивилизации, необратимость тех процессов в российской действительности, свидетелем которых он являлся и которые оценивал как потерю бытийности для России. По мнению философа, Россия тяжело больна, со времен Петра I она поражена «европейничаньем» [27, с. 626].

В этой связи нельзя не отметить эсхатологический характер доктрины Н. Я. Данилевского, предвосхищавшего в осмыслении кризис западной цивилизации О. Шпенглера и А. Тойнби.

Мыслитель не видел возможностей выхода из кризиса для Европы, поддерживая славянофильское утверждение о «гниении Запада» и утверждая исчерпанность путей развития европейской цивилизации и ее скорую гибель. Для России же характерен такой тип культурного кризиса, как «европейничанье», блокирующее создание общеславянской культуры и ценностей. Но все-таки еще есть возможность, убежден философ, выхода российского общества из кризисного состояния через осознание своей культурной самобытности и возможностей ее укрепления [Там же, с. 627].

Консерватизм Н. Я. Данилевского нашел выражение в попытке объяснения исторической судьбы России, природы и специфики ее государственности, правовой и политической культуры в рамках разработанных им концепции пространственно-временной локализации явлений культуры и теории культурно-исторических типов [26, с. 126]. Главное назначение его учения состоит в стремлении оградить Россию, ядро Православной цивилизации, от губительного влияния Запада, представленного ведущими европейскими государствами, который и сам уже стоит на пути глубокого культурного кризиса.

Для российской консервативной мысли геополитическое учение Н. Я. Данилевского имело большое значение, не случайно видный отечественный консерватор конца XIX века М. Н. Катков активно использовал его доводы в своей деятельности, а также развивал свою концепцию русского народа, отождествляемого им с восточной ветвью славянства. При этом в публицистике М. Н. Каткова новое звучание приобрели идеи об антиреволюционности русского народа и чужеродном происхождении революционного движения в России [28, с. 21]. Консерватизм М. Н. Каткова нашел наиболее яркое выражение в его концепции русского народа, в рамках которой в состав последнего включались малороссы и белорусы. С этой точки зрения, единый русский народ, объединенный общим вероисповеданием, составлял основу самодержавной империи.

Осмысление путей развития России не прошло и мимо внимания ярких представителей русской философской мысли рассматриваемого периода. Здесь в первую очередь следует сказать о вкладе в развитие консервативной

идеи В. С. Соловьева. Философ попытался создать целостную мировоззренческую систему, которая связала бы воедино запросы религиозной и социальной жизни человека. Основой такого мировоззрения, по замыслам Соловьева, должно стать христианство. Религиозные мыслители до и после Соловьева не раз высказывали эту идею, но они, говоря о христианстве как основе мировоззрения, подразумевали какую-то одну христианскую концессию: православие, католицизм или протестантизм. Консерватизм Соловьева выражался в основном в религии. Центральная же идея философии Соловьева – идея всеединства. При ее разработке он отгалкивался от славянофильской идеи соборности, но придает ей всеохватывающее, космическое значение [17].

В развитии русского консерватизма второй половины XIX века заметное место занимает учение К. Н. Леонтьева, затрагивающее самый широкий круг проблем: отношение к национальному и восточному вопросам; Западу и России; русскому народу и реформам [16, с. 188]. В работах К. Н. Леонтьева русский консерватизм приобрел философскую глубину, о чем впоследствии писал Н. А. Бердяев [1, с. 208-209].

В ходе своего интеллектуального развития К. Н. Леонтьев пережил сложную эволюцию, заключавшуюся в переходе от либеральных позиций к консерватизму.

В процессе этой эволюции взглядов К. Н. Леонтьева сменилось его отношение к реформам Александра II от позитивной их оценки к разочарованию в преобразованиях. Исследователь творчества К. Н. Леонтьева С. В. Хатунцев отмечает, что на рубеже 60-70-х гг. он начал разочаровываться в отечественных либеральных реформах, у него появились первые опасения, что Россия не породит новой мировой культуры, а растворится в царстве безличных масс, охваченная буржуазной нивелировкой. Усилились идейные расхождения К. Н. Леонтьева со славянофилами. В то же время большое впечатление произвел на него трактат неославянофила Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», со многими положениями которого он солидаризировался [23, с. 188].

Консервативные воззрения К. Н. Леонтьева исходили из того что здоровые силы русского общества позволят реализоваться России в качестве самобытного культурно-исторического явления мировой истории. Россия мыслилась в качестве самостоятельной цивилизации, на которую не может быть распространен опыт западной модернизации. Вместе с положительной оценкой отмены крепостного права К. Н. Леонтьев оставался сторонником сословного деления общества и клерикализма. Переход К. Н. Леонтьева на консервативные позиции совпал с разочарованием русского общества реформами Александра II.

Вместе с изменением отношения к реформам К. Н. Леонтьев пришел к выводу, что только имевшая место неполнота успеха преобразовательных процессов и подает некоторую надежду на то, что Россия может еще уклониться от гибельного, как он считал, западного пути. Увести ее с этого направления, ведущего лишь к размножению и господству «средних людей», самодовольных буржуа, сохранить, а если возможно – создать наиболее разнообразные пути для человеческого развития – вот о чем мечтал и на чем остановился К. Н. Леонтьев в этот период. Одним из главных условий такого разнообразия были, по его мнению, крепкая государственность и «культурно-бытовое обособление национального типа», причем последнее, так же, как и полнота внутренней жизни нации, обеспечивалось существованием сословий и своеобразных бытом и духом провинций и окраин [Там же, с. 174].

Примечательно, как отмечает М. Тюренков, что в качестве основного метода спасения России от новоявленной буржуазно-эгалитарного прогресса и продления жизни самобытного русского самодержавия, защиты строго-аскетического православия, а также не менее строгой социальной и церковной иерархии К. Н. Леонтьев именно в этот период предложил возврат к «византистским» истокам и идеалам российского общественного устройства [22, с. 55].

В последние годы своей жизни К. Н. Леонтьев разуверился в прочности самодержавной системы России. Неожиданно он сделал ставку на социализм, пытаясь наделить социалистическую доктрину теми качествами, которые он ценил в самодержавной России. Ему стало казаться, что историческая роль социализма на российской почве состоит в том, чтобы под новой оболочкой возродить старые имперские и антизападнические тенденции. В 1889 г. он высказал мнение о том, что в XX в. и XXI в. социализм будет играть ту роль, которую некогда играло христианство [15, с. 49].

Консервативное учение К. Н. Леонтьева отличается антибуржуазной направленностью и антиэгалитаризмом. Мыслитель исходил из необходимости социального неравенства, признавая наиболее совершенной формой социально-политической организации аристократию при неременной связи с религиозной иерархией. Обращение философа к византийскому наследию, а затем к идеям социализма не отменяют его консерватизма, а придают ему интеллектуальную широту, связанную с поиском новых возможностей сохранения самобытности России.

Близок по взглядам на консерватизм к учению К. Н. Леонтьева был известный общественный деятель Л. А. Тихомиров, который утверждал, что главная цель политики государства естественным образом направляется на то, чтобы поддержать мощь своей верховной власти, которая рассматривалась им в качестве движущей силы государства и правительства. В монархии же такого рода задача требует преемственности и непрерывности верховной власти монархов. При этом, с точки зрения Л. А. Тихомирова, именно при монархическом правлении данная задача является первостепенной.

Наиболее ярко консервативная позиция Л. А. Тихомирова прослеживается в следующих строках: «...позволю себе остаться при убеждении, что сочетание монархического, аристократического и демократического элементов никак не может быть производимо собственно в верховной власти, которая, по существу, может быть только едина и нераздельна. Это сочетание возможно лишь в организации управления, а потому наиболее достижимо, полагаю, именно при неограниченной монархии как такой форме верховной власти,

которая допускает наиболее спокойное искание общественного блага при наибольшей свободе от эгоистических стремлений тех или иных классов народа» [21].

Таким образом, Л. А. Тихомиров был ярким представителем традиционалистского консерватизма.

Несколько особняком от классических форм консерватизма стоит так называемый либеральный консерватизм, ярким представителем которого являлся Б. Н. Чичерин. Идеал либерального консерватизма – социальное наследование – состоял в гармонизации традиционного и новационного. При этом традиция и новация рассматривались в качестве независимых друг от друга источников социального развития. С позиций либерального консерватизма, российское общество само должно было обеспечивать сохранение семейных ценностей, церковных и национально-государственных институтов. Модернизация для этого типа консерватизма была ценнее традиций. При этом предлагалось не ломать традиции, а вести постепенные эволюционные преобразования.

Примечательной чертой консерватизма Б. Н. Чичерина является его либеральный характер. Подлинный консерватизм органично связан с началом свободы. И этим политико-правовое учение Чичерина коренным образом отличается от взглядов «отрицательного» либерализма, видевшего в свободе раз и навсегда данный неизменный масштаб, применимый к любым обстоятельствам. Чичерин всячески старается поднять роль и значение личности в обществе. Поэтому и основные определения права, формулируемые им, касаются в первую очередь личных отношений. Общественные союзы, по замыслу Чичерина, должны воздвигаться над ними как высший порядок, который не уничтожает, а только восполняет частные отношения, зиждущиеся на свободе [13, с. 83].

К либеральному консерватизму Б. Н. Чичерина примыкает учение П. Б. Струве, который также видел возможность сочетания модернизации и консерватизма. Как представляется, учение либерального консерватизма было откликом на сложную социально-политическую ситуацию в России того периода, когда с нарастающей остротой ощущалось противоречие между самодержавным государственным строем и становящимися все более капиталистическими отношениями в экономической сфере жизни общества.

Продолжение линии развития официального консерватизма связано с именем К. П. Победоносцева – обер-прокурора Святейшего Синода российской империи. Глубокий социальный кризис второй половины XIX в., в котором находилась Россия, и убежденность Победоносцева в необходимости утверждения в стране единой государственной религии привели его к мысли о недопустимости любых действий, разрушающих религиозную (для него – православную) опору власти [8].

В доктрине К. П. Победоносцева консерватизм приобрел строго охранительный характер, связанный с обеспечением неприкосновенности самодержавия и религиозных православных устоев русского народа.

Как отмечает А. Р. Шафеев, в работах К. П. Победоносцева заметное внимание уделяется следующей проблематике: богоизбранность императора и незыблемость его власти, комплекс взаимоотношений монарха и народа через доверие и веру, выступающих базисом самодержавной власти, роль Церкви в обеспечении духовного единства государственной власти и населения.

Исходя из проблематики вопросов, изучаемых им, можно сделать вывод о том, что основу его политического мировоззрения составляла теократическая модель происхождения власти, базирующаяся на богоизбранности монарха и его преобладающей роли в жизни общества и государства. Исходя из вышеприведенного анализа, автор статьи исследует три ключевых вопроса его творчества: роль императора в жизни общества и государства, взаимоотношения монарха и народа, роль общественных институтов в обеспечении государственной и общественной стабильности. Для К. П. Победоносцева понятие «общество» ассоциируется, прежде всего, с народом [24, с. 87].

В консервативных взглядах К. П. Победоносцева особое место занимает вопрос взаимосвязи государства и Церкви. Свое видение данного вопроса К. П. Победоносцев изложил в статье «Церковь и государство», опубликованной в «Московском сборнике» за 1896 г.

Первой ключевой проблемой является сопоставление ролей Церкви и государства в общественно-политической системе русского общества. По мнению К. П. Победоносцева, роль этих институтов одинаково важна для общества. Церковь и государство – это союзы, общественные институты, созданные людьми. Но Церковь, по мнению К. П. Победоносцева, – это союз, являющийся результатом реализации ими Божественной воли, а государство – это гражданский союз, вытекающий из естественной (жизненной) необходимости. При этом К. П. Победоносцев ставит во главу угла вопрос о первичности этих институтов по отношению друг к другу. Церкви он отводит первичную роль именно как институту Божественной воли, а лишь затем определяет его как социальный институт.

Победоносцев считал, что задачей государства как гражданского союза является создание условий для жизни, базирующихся на соблюдении духовных и нравственных норм. Таким образом, делает вывод автор, разделение Церкви и государства неверно по своей сути, т.к. оно ведет к духовному раздвоению личности человека, уничтожая веру в государство, которое живет не по законам Божьим, а по своим собственным [25, с. 111].

Исходя из такого понимания соотношения Церкви и государства, К. П. Победоносцев формулирует свои воззрения на самодержавие как на необходимую для русского народа форму правления.

Вторая половина XIX века – период расцвета и официального признания на государственном уровне консервативной идеологии, период оформления консервативных геополитических идей (Ф. М. Достоевский, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев).

К началу XX века русский консерватизм окончательно сформировался как самостоятельное идейно-философское направление. Четко определилась и генеральная линия его развития, которую можно обозначить как «охранительную». Отечественный консерватизм структурировался не по принципу сохранения

статуса-кво по отношению к существующим порядкам (хотя и этот аспект, разумеется, присутствовал и, более того, был одним из ведущих), но по принципу глубокого изучения исторического наследия, его переосмысления и приспособления к новым условиям.

Вопрос о совмещении, сочетании консерватизма с модернизмом и сегодня остается дискуссионным. Насколько возможно быть консерватором в условиях модернизации? Исторический опыт показывает, что такое сочетание возможно. Однако в Российской империи сочетание консерватизма и модернизма находилось в жестком противоречии, что особенно остро проявилось в начале XX века, когда на историческую сцену вышли черносотенные организации – продолжатели традиций отечественного консерватизма.

Основными чертами русского консерватизма были такие его характеристики, как идея сословного государства, при наличии развитого местного самоуправления, идеи имперского господства России на евразийском пространстве, стремление к восстановлению авторитета и влияния Православия, критика негативных сторон либерализма и демократии. Однако, к сожалению, как показал исторический опыт, большинство этих постулатов русского консерватизма были нивелированы стремлением идеологов (а вслед за ними – и официальных властей) к насаждению неограниченного самодержавия. Именно эти основополагающие идеи и выступали в качестве ядра русской консервативной мысли, породив в начале XX века черносотенную консервативную утопию.

Именно мифотворчество российских консерваторов рассматриваемого периода стало одним из существенных факторов глубочайшего политического кризиса, разразившегося в России на фоне экономического подъема 1900-х гг. Это ли не является еще одним серьезным аргументом в пользу несовместимости традиционалистского русского консерватизма с процессом экономической модернизации?

Список литературы

1. Бердяев Н. А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // К. Н. Леонтьев: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 208-209.
2. Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 224 с.
3. Громов М. Н. Славянофильство: историософский аспект // История философии. М.: ИФ РАН, 1999. Вып. 4. С. 125-133.
4. Гунашвили Е. М. Проблема народности в концепции почвенничества // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11. № 1. С. 55-58.
5. Есюков А. И., Честнейшина Н. В., Честнейшина Д. А. Социальная философия русского консерватизма: учеб. пособие / Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск: Поморский университет, 2009. 276 с.
6. История России. М.: Научный эксперт, 2012. 384 с.
7. Карамзин. Пушкин. Гоголь. Аксаковы. Достоевский: биографические очерки. Челябинск: Урал ЛТД, 1994. 480 с.
8. Коваленко О. К. П. Победоносцев как идеолог русского консерватизма // Власть. 2009. № 6. С. 151-155.
9. Консерватизм в России [Электронный ресурс]. URL: http://nicbar.narod.ru/ideologii_05.htm (дата обращения: 06.04.2013).
10. Круглый стол «Способствуют ли идеи консерватизма модернизации в России» [Электронный ресурс]: стенограмма мероприятия. URL: <http://spravmir.ru/events/63-sposobstvuyut-li-idei-konservativizma-modernizacii-v-rossii.html> (дата обращения: 06.04.2013).
11. Кудряшев В. Н. Консервативно-утопическая интерпретация русификаторской политики в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 96-101.
12. Пашков Д. К. П. Победоносцев и Ф. М. Достоевский // Богословский сборник. М., 2001. Вып. 7. С. 299-317.
13. Поляков А. В. Либеральный консерватизм Б. Н. Чичерина // Правоведение. 1993. № 5. С. 79-87.
14. Работяжев Н. В. Историософия и геополитика российского консерватизма: опыт анализа // Полития. 2007. № 2 (45). С. 103-118.
15. Репников А. В. Будущее России в концепциях русских консерваторов начала XX века // Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001. С. 48-53.
16. Репников А. В. К. Леонтьев – философ российского консерватизма // Полис. 2011. № 3. С. 184-189.
17. Русский консерватизм во второй половине XIX века (1861-1917 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=518601> (дата обращения: 06.04.2013).
18. Смирнова В. И. «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского в фокусе современных тенденций интеграционных процессов // Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. Серія «Політологія». Севастополь, 2011. Вип. 123. С. 26-30.
19. Суслов М. Д. Эволюция консервативной утопии в России в XIX веке // Вестник Пермского университета. История. 2003. Вып. 4. С. 85-100.
20. Терехов О. Э. Идеи и политические предпосылки немецкой «консервативной революции» в историографии ФРГ // Известия АГУ. 2010. № 4 (68). Ч. 1. С. 240-248.
21. Тихомиров Л. А. Социальные мифы современности. 1891 г. [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/alexandr3/tihomyrov_soc_mirag.html (дата обращения: 06.04.2013).
22. Тюренок М. Консерватор номер один // Русское время. 2009. № 1. С. 50-55.
23. Хатуцев С. В. Константин Леонтьев: интеллектуальная биография. 1850-1874 гг. СПб.: Алетей, 2007. 208 с.
24. Шафеев А. Р. Политические взгляды К. П. Победоносцева на проблемы взаимоотношения между обществом и государством // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2011. Вып. 2. С. 85-90.
25. Шафеев А. Р. Сравнительный анализ взглядов К. П. Победоносцева и И. Л. Солоневича на роль Церкви как общественного института при взаимодействии общества и государства // Власть. 2012. № 3. С. 110-112.
26. Шевляков А. И. Книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» в полемике 80-х годов XIX века // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 126-129.
27. Шиманская О. К. Принципы философии кризиса в творчестве Н. Я. Данилевского // Вестник ННГУ. Социальные науки. 2006. № 1 (5). С. 626-633.
28. Шипилов С. Н. Эволюция идеологии русского пореформенного консерватизма: этнокультурные и политические аспекты (по произведениям М. Н. Каткова): автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2009. 27 с.
29. Wasiolek E. Dostoevsky: a Revolutionary Conservative // Modern Age. 1964-1965. Vol. 9. № 1. P. 62-68.

**POLITICAL IDEOLOGY OF CONSERVATISM IN CONTEXT OF ECONOMIC MODERNIZATION
(BY EXAMPLE OF THE RUSSIAN EMPIRE OF 1840-1890)**

Ivakin Grigorii Anatol'evich, Ph. D. in History

Russian Academy of National Economy and State Service under the Russian Federation President

ivakin@rane.ru

The author considers conservative idea development in Russia in the XIXth century in connection with the changes, which took place in the economic and social spheres of society life, and basing on the analysis of the Russian conservatism prominent representatives' positions comes to the conclusion about the contradiction of the Russian traditionalist conservatism with its orientation to autocracy and Orthodoxy to the Western model of modernization.

Key words and phrases: conservatism; Slavophilism; the Russian Empire; traditionalism; Orthodoxy.

УДК 343.57

Юридические науки

В статье анализируются криминалистические и процессуальные особенности тактики проверки показаний подозреваемых и обвиняемых лиц, данных ими в ходе предварительного следствия. Автором рассматривается специфика проведения повторного допроса как тактического приема диагностики ложности показаний и очной ставки. Определяются критерии допустимого воздействия на допрашиваемого, порядок его осуществления, а также возможные, со стороны подозреваемого и обвиняемого лица, меры противодействия расследованию.

Ключевые слова и фразы: повторный допрос; очная ставка; допрашиваемый; допустимое воздействие; тактический прием; допрос подозреваемого (обвиняемого); юридическая психология.

Игнатенко Евгений Александрович

Амурский государственный университет

iea13@mail.ru

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ
ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ ЛИЦ[©]**

Мотивы дачи подозреваемыми и обвиняемыми ложных показаний различны. Уяснить их при производстве допроса следователю необходимо для того, чтобы лучше понять психологию допрашиваемого, выяснить, насколько прочно в его сознании держатся асоциальные установки, для последующей их нейтрализации.

А. Н. Васильев указывал на то, что определенный положительный результат в изменении негативной позиции и получении правдивых показаний может дать стимулирование положительных личных качеств, основанное главным образом на эмоциональном воздействии и на примере [1, с. 140].

Вместе с тем одними из элементов методики разоблачения ложных показаний являются детальный повторный допрос подозреваемого и обвиняемого лица, а также очная ставка с его участием [13, с. 21].

Среди следственных действий допрос выступает как повторный наиболее часто: 97,4% всех повторных следственных действий – допросы. Среди допросов каждый четвертый является повторным [12, с. 48].

Повторный допрос может проводиться в связи с различными обстоятельствами. Однако нужно отличать повторный допрос, проводимый в связи с некачественным проведением предыдущего, от повторного допроса, являющегося тактическим приемом, осуществляемым в соответствии с криминалистическими рекомендациями.

При проведении повторного допроса следователь имеет определенные преимущества. Так, он может проанализировать информацию, полученную до первого допроса, в ходе него и после него, сопоставив все данные. Кроме того, уже имеется опыт личного контакта с подсудимым, есть представление о его психологических особенностях, о том, каких следует избегать ошибок, способных оттолкнуть подозреваемого (обвиняемого).

Вместе с тем подозреваемый (обвиняемый), давая ложные показания, старается придерживаться их на всех допросах. Однако в силу естественных свойств памяти он забывает подробности показаний, так как они не имеют отношения к действительности, и не может воспроизвести их с прежней точностью.

При этом, допрашиваемый, с целью придания большей достоверности своим показаниям, основывает их на реальных фактах, т.е. им тесно увязывается и согласовывается подлинное и вымысел. Поэтому допрос становится успешным тогда, когда следователь в хаосе различных сведений сумеет отыскать те источники информации или те точки опоры, которые позволят ему из разрозненных сведений извлечь информацию о развитии преступной деятельности во времени [4, с. 102].